

будет сидеть тот, кто в той или иной степени сможет предать даже отца и мать или отказаться от них для более высокой цели (ведь Иисус, согласно Евангелиям, подчеркивает, что истинная Его семья – Его ученики и люди, которым Он служит). К. Богатырев в своем переводе немного перефразировал эту строфу: если у Рильке в ней звучит надежда, то в русском переводе акцентирована горькая мысль, что везде и всегда найдется свой Иуда.

Таким образом, на примере лишь нескольких стихотворений можно проследить, как Рильке часто включает читателя в свою интеллектуальную игру, заставляет задуматься и вспомнить многие события, в том числе и библейские. Но делает он это намеками, помощью аллюзий, которые не просто расшифровать и пронять, давая читателю самому выбрать, что он хочет видеть в том или ином стихотворении. Это во многом очень свойственн эпохе поэта – эпохе модерна. В свою очередь, подобные приемы послужат примером для пришедшей спустя десятилетия литературы постмодернизма.

Литература

1. Rilke, R.M. Die Neue Gedichte; Der neuen Gedichte anderer Teil / R.M. Rilke. – Leipzig: Insel Verlag, 1981. – 388 S.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические: Синодальный перевод.
3. Музиль, Р. Малая проза. Избранные произведения: в 2 т. / Р. Музиль; пер. с нем. и предисл. А. Карельского; сост. Е. Кацевой. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. – Т. 2. – 590 с.
4. Рильке, Р.М. Новые стихотворения; Новых стихотворений вторая часть / Р.М. Рильке; изд. подгот. К.П. Богатырев, Г.И. Ратгауз, Н.И. Балашов. – М.: Наука, 1977. – 543 с.
5. Синило, Г.В. Рильке / Г.В. Синило // Большой энциклопедический словарь / гл. науч. ред. и сост. С.Д. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – С. 692–694.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН И ФОРМИРОВАНИЕ ГНОСТИЧЕСКОЙ КОНСТАНТЫ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. К. Сельченко

Феномен гностицизма вот уже полтора века привлекает пристальное внимание ученых. Гностицизм – понятие узкое и хронологически замкнутое, тогда как «гнозис» разрастается до невообразимых размеров, поскольку к нему можно отнести не только манихейство, но и определенные течения в каббале, герметизм, а также все последующие гностици-

зирующие ереси и учения в европейской (и не только) культуре. На Международном коллоквиуме в Мессине (1966) была утверждена следующая дифференциация: предложено было термином «гностицизм» обозначать только «определенную группу религиозных систем II в н.э.», а термином «гнозис» – «знание божественных тайн, которое доступно только избранным».

Традиционно гностицизм понимается как христианская ересь. Но сам термин «ересь», т.е. «выбор», нечто «избранное» (от глагола αἵρέω — «брать», «приобретать», «избирать») отцами церкви был изобретен именно для гностиков. О настоящем делении на ортодоксию и ересь можно будет говорить лишь после 175 г. н. э. Гностики «оказались еретиками только post factum». Но именно гностики, по мнению А.В.Дьякова, заставили христианство в целом заговорить на языке философии [4]. Гностицизм – культурный (религиозно-философский) феномен, оформившийся в результате эллинистического культурного синтеза. Влияние, которое гностическая мировоззренческая система оказала на последующее развитие христианства и европейских культур, еще не изучено до конца. На наш взгляд, не смотря на то, что исторический гностицизм прекратил свое существование не ранее III вв. н.э., сами по себе гностическая проблематика и гностические топосы продолжили свое существование в европейской культуре. Ярче всего это влияние прослеживается в германской культуре, в которой в ходе ее развития гностические топосы стали четко выраженной константой.

Проникновение гностических идей в древнегерманскую культуру непосредственно связано с процессом христианизации германских племен. Процесс этот шел практически параллельно оформлению христианской догматики, пришедшему на период Великих Соборов (IV-VII вв.). Центром религиозной жизни Римской империи тогда считался не латинский Запад, а эллинизированный Ближний Восток, где были сосредоточены крупнейшие христианские общины и богословские школы (Сирия, Египет, Малая Азия). За редким исключением гностические идеи локализовались здесь же. Германские племена, христианизировавшиеся первыми, соприкасались с христианством в его изначальном, не очищенном от ересей виде. Усвоение христианской мифологии означало параллельное освоение целого комплекса идей и доктрин (включая гностические), которые позднее, на Вселенских Соборах, осужденных как еретические и в дальнейшем существовавших вне церкви.

Первыми оказались готы и союзные им восточногерманские племена, граничившие с восточной частью империи. Поощряемая императором Валентом проповедь Вульфилы среди вестготов пришла на период, когда внутри христианской церкви доминировало арианство. До 381 г.,

когда на I Константинопольском соборе арианство подверглось повторному осуждению, и Вульфила, и его паства находились в рамках ортодоксии. Оказавшись после 381 г. еретиками, готы воспринимали отличие своего вероисповедания от ортодоксии довольно спокойно [10].

Судя по всему, благодаря (1) ранней христианизации, которая поневоле приняла неортодоксальный характер, (2) непосредственным контактам с грекоязычными и ближневосточными провинциями империи, (3) весьма условному языковому барьеру, готами были усвоены некоторые идеи гностицизма, восточный вариант которого в III в. был широко распространен в этом регионе.

Пик готского влияния приходится на эпоху Теодориха Великого (начало VI в.) [8, с. 177]. Готское влияние не только предопределило принятие большинством христианизируемых германских племен арианства, но и оставило своеобразный отпечаток на древнегерманской языческой традиции.

Арианство было глубже связано с античным мировоззрением, чем никейское вероучение, и по своей доктрине напоминало больше философскую систему, чем мистическую религиозную веру» [7]. Оно способствовало сепарации германцев от римлян. Как правило, ариане не вступали в религиозный конфликт с ортодоксами (омиусианами), но, тем не менее, предпочитали образовывать хоть и не агрессивные, но замкнутые общины [8].

Учение Ария о трансцендентности Бога противоречило тринитарному плюрализму Оригена и александрийцев [1, с. 253]. Ориген, как основоположник христианской мистики, склонный пользоваться некоторыми воззрениями отвергнутых церковью гностиков, находится на стыке ортодоксии и ереси, как и всякая мистика по самой своей сути. Также именно Александрия была центром так называемого «западного» гностицизма (ярче всего воплотившегося в валентинианстве). А. Хосроев даже определял гностицизм именно как «александрийское христианство».

Образ Бога у Ария отрицает наличие какой-либо равновеликой ему сущности вроде Сына. В этом он созвучен гностическому (и античному) представлению о едином первоначале. В гностической космологии Жених (Христос) – лишь один из эонов в божественной плероме, имеющий определенные функции (сообщение знания о пути выхода из мира), но при этом не являющийся самостоятельным божеством.

Кроме того, арианское отрицание единосущности было достаточно созвучно древнегерманской мифологии, где Вотан (Один) специально рождает Вельсунгов, чтобы разрушить проклятие мира (фактически, испугать человечество). Сегодня мы с высокой долей вероятности можем выделить в дошедшей до нас древнегерманской языческой традиции

следы знакомства с христианско-эллинистическим гнозисом, произошедшего в III-VI вв.

Следы этой рецепции легко увидеть в том пласте древнегерманской мифологии, который дошел до нас в составе скандинавского эпоса «Старшая Эдда», точнее – в сюжете о жертвоприношении Одина, описанная в «Речах Высокого».

Многие мотивы этого эпоса являются продуктом взаимодействия интенсивно разлагавшегося язычества с религиозно-мистическим многообразием позднего, христианизированного эллинизма. При рецепции гностические идеи, арианство, христианская сотериология в ее ортодоксальных и неортодоксальных проявлениях усваивались германцами в целостном, нерасчлененном виде, поскольку сам христианский канон еще находился в стадии формирования.

Следы гностических образов и идей, впитанных через контакт с греческой культурой, в древнегерманском эпосе единичны и не системны, но именно по ним можно наблюдать, как отвергнутые ортодоксальной догматикой образы и мотивы (вплоть до прообразов фаустовского сюжета) вплавлялись в древнегерманскую мифологию.

В процессе столкновения и взаимодействия готского племенного союза с римско-эллинистическим миром еще подвижная, не до конца сложившаяся мифология готлов (а через их посредство – и других германских племен) трансформировалась под влиянием христианских образов и идей.

Примечательно, что Иордан называет прародителем готлов и основателем династии Амалов, «первым из героев» [6, с. 76], Гапта (Gapt). Это одно из традиционных имен Одина (др.-сканд. Gautr), означающее в переводе «посвященный» [3, с. 141]. «Гносис» – тайное знание, даруемое в откровении исключительно избранным – «посвященным».

Подобно тому, как христианизация части германских племен, по видимому, преобразила многие сюжеты древнегерманской языческой мифологии, последняя позволяет по-иному интерпретировать причины популярности у германцев неортодоксальных версий христианства. Арианский Бог-Сын, сотворенный Богом-Отцом и неединосущный последнему, отражает дистанцию между инициацией рядового воина и жертвой Одина-Гапта – Всеотца (др.-сканд. Alfödr), свиту которого в случае героической смерти этот воин пополнит в качестве избранного (эйнхерия).

Таким образом, характер взаимодействия между поздним древнегерманским язычеством и ранним, еще только формирующимся христианством predetermined активное заимствование и органичное усвоение гностических идей национальными культурами германских народов.

Литература

1. *Бирюков, Д. С.* Философские основания неоярианизма: дис. ... степ. кандидата филос. наук: 24.00.01 / Д. С. Бирюков; СПб: СПбГУ, 2007. – 253 с.
2. *Буданова, В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов / В. П. Буданова. – М.: Наука, 1990. – 232 с.
3. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – СПб.: Ювента. 2003 – 656 с.
4. *Дьяков, А. В.* Гностицизм как религия и философия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apokrif.fullweb.ru/study/diakov.shtml> – Дата доступа: 09.01.2016
5. *Дюмезиль, Ж.* Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986 – 234 с.
6. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) – СПб.: Алетейя, 2000 – 512с.
7. *Корсунский, А. Р.* Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе /А. Р. Корсунский // Средние века. – Вып. 44. – М., 1981.
8. *Мюссе, Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб: Евразия, 2008
9. *Скадрильи, П.* Готы: язык и культура / П. Скадрильи. – СПб: Филол. фак-т СПбГУ, 2012. – 388 с.
10. *Феодорит Кирский.* Церковная история. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Feodorit_Kirskij/cerkovnaya_istoriya/ - Дата доступа: 04.05.2016

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ БЕЛАРУСИ

М. И. Федутик

Исследование проблематики и функций социальной рекламы началось не так давно, вследствие этого она недостаточно хорошо изучена. Анализом социальной рекламы занимались У. Уэллс, С. Мориарти, исследование которых было направлено на выявление истоков и истории возникновения и развития социальной рекламы. Нет сомнения, что социальная реклама играет большую роль в формировании нравственности и морали. Она акцентирует внимание на том, что может волновать и интересовать общество в данный период времени.

Е. Головлева считает, что «реклама – это лишь внешнее выражение культуры. Каждая страна говорит сама с собой через сотни тридцатисекундных роликов, которые предлагают взглянуть на повседневные вещи, окружающие человека, через призму культуры» [1]. Социальная реклама отражает в определенной мере специфику национальной культуры, ее традиций и ценностей.

В современном обществе информационные ресурсы являются сильнейшим средством воздействия на личность, а также на общество в целом. При помощи рекламы мы доносим то основное, что интересует потребителя. Главная ее задача – это привлечь внимание людей к актуаль-